

ЧАСТЬ I.
КУРСАНТ-СТАЖЕР

Космический флот — щит Родины-Земли и Колоний, а все остальные войска — всего лишь шурупы, вкрученные в этот щит.

Военно-народная мудрость

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— **И** последний вопрос, курсант. Экзаменатор сделал паузу, во время которой пристально глядел Виталию в глаза.

— В каком конкретно режиме двигателя «Соляриса-3» вы стали бы осуществлять швартовку к топливному спутнику?

— Швартовка к топливным спутникам на «Солярисах» запрещена, — ни секунды не колеблясь, ответил Виталий.

Поймать его на подобных мелочах было трудновато даже начальнику курса.

— Ценю ваше знание должностных инструкций... но все-таки? Предположим, что сложилась экстремальная ситуация и командующий флотом отдал приказ лично вам швартоваться на третьем «Солярисе». Итак?

Виталий ненадолго задумался. Наверняка ведь с подковыркой вопрос, начальник курса великий мастер на подобные штучки.

— «Солярисы» заметно рыскают при подруливающих маневрах, — с некоторым сомнением произнес Виталий. — Так и штангу снести недолго... Нет, на месте командующего я бы нашел любой другой корабль, только не «Солярис».

Экзаменатор покачал головой и усмехнулся:

— Упрямец вы, Шебалдин! Нет у командующего других кораблей. Ничего нет, есть только вы на третьем «Солярисе», топливный спутник, к которому

необходимо пришвартоваться, категорический приказ и миллионы мегаметров пустоты вокруг. Можно сказать, сферическая швартовка в вакууме. Вам нужно принять решение за десять секунд. Режим?

Виталий опять ненадолго задумался.

— Ну раз так... — неуверенно протянул он. — Тогда я бы вытянулся на маневровых на минимально возможное расстояние, порядка ста—ста пятидесяти метров. А потом отстрелился бы на страховочном фале в сторону спутника, при необходимости откорректировал бы полет ручным реактивом, закрепился на спутнике и подтянул катер к штанге вручную, раз уж на «Солярисах» нет автоматической подрульки.

Начальник курса ошеломленно поглядел на Шебалдина:

— Вручную? Кхм...

Теперь задумался он. Надолго, на полминуты, не меньше. Потом снова поглядел на Виталия:

— Скажите, Шебалдин, вы прямо сейчас придумали этот способ или размышляли о чем-то подобном ранее?

Виталий замялся, но в конце концов ответил честно:

— Вообще-то размышлял, и не однажды. Меня заинтересовало, почему стыковочную автоматику топливных спутников модернизировали намного раньше, чем начали ставить подрульки на все без исключения малые корабли. Ответа я так и не нашел, но способы альтернативной швартовки иногда обдумывал. Ничего умнее отстрела и подтягивания за фал изобрести не удалось.

Экзаменатор удовлетворенно кивнул. Похоже, его больше интересовал сам вопрос — разбирался ли курсант с этой проблемой ранее, — чем все режимы «Солярисов» вместе взятые. Почему — бог весть, но настрой начальника курса Виталий уловил совершенно точно.

— Ладно, Шебалдин, ответ принят. Экзамен вы, без сомнений, сдали. Оценку и финальную сумму баллов узнаете завтра, вместе со всеми. Можете идти.

— Благодарю, господин контр-адмирал!

— Аллюр три креста! — усмехнулся экзаменатор.

Этой фразой он обычно завершал лекции и давал понять курсантам, что пора спешить из аудитории на перерыв.

Виталий браво развернулся, сошел с помоста, у выхода на всякий случай застыл «смирно», ненадолго, секунды на три, и лишь потом толкнул тяжеленные двери.

Перед аудиторией маялось десятка полтора сокурсников.

— Ну как? — метнулся навстречу Мишка Романов, самый нетерпеливый.

— Три креста! — тон у Виталия был, как и у всякого уже сдавшего экзамен, немного снисходительный, но больше полнящийся облегчением.

Дверь аудитории снова приоткрылась, и в коридор выглянул дежурный малек с планшеткой.

— Романов! — громко объявил он.

— Ну, — выдохнул Мишка. — Я пошел!

— Ни пуха! — хором произнесли практически все присутствующие, в том числе и Виталий.

Мишка, очень похожий на ныряльщика перед погружением, скользнул мимо малька в аудиторию. Дверь тотчас закрылась.

Виталий, сопровождаемый завистливыми взглядами, направился к лестнице.

«Только бы консультанты не срезали, — подумал он с легкой тревогой. — Только бы не ниже четыре-девятиста...»

Срезать десятые и сотые консультантам вроде бы не с чего, с вопросами Виталий разобрался бодро и уверенно. Но поди угадай — что кроется в головах этих звездопогонных шишек? Особенно у незнакомого, который сидел в самом углу, причем в общевоинском мундире. Какого черта шуруп вообще делает на экзамене будущих пилотов во флотской Академии? Да и вообще, консультанты курсантов видят только на экзаменах. И старый студенческий закон «сначала ты пашешь на авторитет, а потом авторитет пашет на тебя» в данном случае, к сожалению, не срабатывает.

Виталий знал: если он сумел произвести на консультантов благоприятное впечатление и наберет вожделенные четыре-девятисто, у него, пожалуй, даже есть шансы оказаться в итоговой двадцатке и попасть в разведку, куда стремится каждый будущий пилот с первого дня обучения. Вообще в разведку возьмут человек сто, но на действующие двадцать вакансий — только лучших. Часть направят в гвардейский Семеновский, часть — в гвардейский Измайловский. Остальных — на обеспечение туда же и в остальные полки: Трицкий, Успенский, Рублевский и Преображенский.

Какую-то часть выпускников пилотского курса в количестве примерно четырех-пяти сотен ждала рутинная служба в транспортных подразделениях флота. Это, разумеется, тоже флот, не шурупские войска, но и не разведка, увы.

Но, скорее всего, чувствовал Виталий, в двадцатку он снова не попадет. В двадцатку он врвался один-единственный раз за шесть лет кадетства, на далеком втором курсе, когда сразу трое лидеров завалили летнюю стажировку. Правда, завалили не по теории, а по дисциплине, поэтому Виталий

тогда не особенно и ликовал — по-настоящему его радовали собственные заслуги, а не провалы конкурентов.

На последней зимней сессии Виталий занял итоговое двадцать седьмое место и угодил на стажировку на Дварцию, в Измайловский, пусть и в службу. В полку ему понравилось; на излете стажировки Виталий дал себе молчаливую клятву вдохнуть, но вернуться именно сюда, именно в разведку, и желательнее — в двадцатке.

На весенней сессии он показал двадцать второй результат из двух с лишним тысяч курсантов. Чуть не дотянул. Самую-самую малость.

В принципе, Виталий прекрасно сознавал собственные возможности и умел трезво сопоставлять их со способностями коллег. Если рассуждать здраво, в первую двадцатку по пилотированию он и не входил. В тридцатку — может быть, но в двадцатку однозначно нет. Однако почти половина лучших летунов курса заметно плавала в вопросах матчасти и инженерии, а вот тут Виталий Шебалдин, пожалуй, и на место в десятке мог претендовать. И он имел все основания полагать, что в первой даже не десятке, а полусотне ведущих технарей как пилот он однозначно лучший. Пользуясь футбольной терминологией, по системе «гол плюс пас» Виталий смотрелся очень хорошо, невзирая на то, что среди лучших бомбардиров никогда не числился, да и по пасах не лидировал. И распасовщиком в общем и целом был более, нежели забивалой.

Сознавал Виталий и то, что вряд ли когда-либо дорастет до командира звена. В групповых полетах он действовал неплохо — когда командовал кто-нибудь другой. Первый же учебный вылет (на тренажере, разумеется) в качестве звеньевоего оказался для Виталия и последним, причем, когда он много позже случайно подсмотрел в собственном досье нолик напротив пункта *Sergeant ability*, ощутил скорее облегчение, чем досаду. А вот пятерочка напротив пункта *Steering ability* душу согрела.

В остальные пункты Виталий заглянуть не успел: секретарь начкурса затемнил экран и укоризненно воззрился на нахального третьекурсника. Пришлось извиняться и каяться, каяться и извиняться. Ну и полы драить в наряде вне очереди, куда ж без этого?

— Здорово, Щелбан!

Виталий порывисто обернулся.

У лифтов руки в брюки стояли Рихард с Джаспером и насмешливо глядели на него.

— Сдал? — с ленцой осведомился Рихард, он же и окликнул Виталия несколькими секундами ранее.

— Сдал-сдал, и не надейтесь! — бодро ответил Виталий. — Еще потреплю вам хвосты!

Про хвосты он заикнулся не случайно. Рихард фон Платен в гипотетической лучшей двадцатке курса с вероятностью девяносто девять процентов должен был финишировать первым. И вовсе не потому, что Генрих фон Платен, его отец, в настоящий момент занимал пост президента Земли и Колоний. Просто Рихард был пилотом от бога — раз, и законченным трудоголиком в лучшем смысле этого слова — два. И он никогда не скрывал, что твердо намерен следовать тропой своего отца, а значит, в будущем тоже возглавить правительство. Причем не по благу или протекции, а по заслугам — ни единого раза за шесть лет учебы фон Платен-младший не воспользовался влиянием или помощью фон Платена-старшего. Всего, что он достиг, он достиг сам и совершенно заслуженно. А это — ни много ни мало — звание лучшего курсанта среди двух тысяч будущих пилотов.

Джасперу Тревису с родней тоже, в общем-то, повезло: его отец только что принимал у Виталия экзамен, а дед сидел среди консультантов на самом почетном месте. Проще говоря, отец был начальником курса, дед — ректором всей Академии. И если Рихард фон Платен халявить в учебе не позволял себе сам, то Джасперу Тревису не позволяла родня, причем в максимально жесткой и бескомпромиссной форме. Джаспер — человек, безусловно, талантливый, но ни разу не трудоголик, пахать он был попросту вынужден, иначе отец с дедом плющили его по полной программе. Без свидетелей, разумеется, но вряд ли ему было от этого легче. Место в двадцатке, а то и в десятке, ему тоже было фактически гарантировано, и тоже вполне по заслугам, с той лишь разницей, что сам Джаспер в двадцатку не особенно и рвался, однако вынужден был мчаться к цели во весь опор, как та лошадь на скачках: попробуй замедли бег — тут же отхлещут по крупу. И цель эта лично для Джаспера была вовсе не заветной. Но куда деваться? Виталий в этом смысле ему даже немного сочувствовал, хотя в целом Джаспер не являлся личностью, нуждающейся в сопереживании.

С этой звездной парочкой Виталий не водил особенной дружбы, поскольку он был происхождения самого низменного: родители из стада, братья и сестры — и по сей час в стаде. Он единственный, кто практически вырвался в граждане, — во всяком случае, за шесть лет так и не был отчислен из Академии, хотя взыскания имел. Впрочем, в достаточном количестве имел и поощрения. Последний экзамен сдан, осталось несколько процедур, приятных и торжественных: присвоение первого офицерского звания, присяга, назначение на службу и выпускной бал. Теперь уже не отчислят, можно смело назвать себя гражданином, первым в своем роду. И несмотря на все это,

элита курса Виталия в толпе кадетов выделяла, хотя и не упускала случая подначить или высмеять.

— И куда мылишься, в разведку или в извозчики? — с ехидцей поинтересовался Рихард.

— В извозчиках вряд ли выйдет потрепать вам хвосты, господа мажоры, — ответил Виталий ершисто.

На «мажоров» фон Платен и Тревис в целом не обижались, но и называть себя так позволяли далеко не каждому. Виталий право на «мажоров» заслужил — в нем признали если не равного, то в общем достойного индивида, в то время как любой из троечников, обреченный на роль извозчика или вообще докового чинуши, немедленно схлопотал бы за «мажоров» по ушам.

Джаспер криво усмехнулся и со значением поглядел на приятеля.

— Оптимист! — прокомментировал он слова Виталия. — Далекое пойдет!

— Завтра и увидим, — пожал плечами Рихард и обратился к Виталию: — Пойдем с нами, оптимист! Мы тоже сдали.

— А вы куда, собственно? — поинтересовался Виталий.

— В буфет, куда же еще? — искренне удивился Джаспер. — Куда может пойти оптимист после успешно сданного экзамена? Конечно же в буфет! Имеем право!

— А вдруг экзамен сдан неуспешно?

— У тебя есть основания сомневаться? — вкрадчиво выдохнул Джаспер и вновь поглядел на фон Платена: — Слушай, Риха, а он, пожалуй, не вполне оптимист. Ему с нами не по пути. Его гложет червь сомнения.

— Да брось кочевряжиться, пошли, — ровно произнес Рихард. — Ситра примем с булками. По сосиске съедим в тесте. Надо же отметить?

Тут он внезапно нахмурился и спросил:

— Или у тебя денег нет?

— Деньги у меня есть, — не очень весело отозвался Виталий. — Во всяком случае, на сосиску в тесте хватит.

Говоря откровенно, оставшиеся от стипендии гроши он предпочел бы истратить на другое — Зое на подарок, к примеру, но как скажешь об этом мажорам?

— Не бойсь, Щелбан, мы зовем, значит, мы и банкуем, — заявил Джаспер тоном, не предполагающим возражений. — У мажоров так принято, если ты не знаешь. И не строй мне тут гордую рожу, я как-то попробовал жить на стипендию, до сих пор в дрожь бросает.

Виталий был крепко схвачен за рукав и втащен в подошедший лифт.

В этом был весь Джаспер Тревис — немножечко лентяй, немножечко сибарит, но вместе с тем человек умный, не заносчивый и в общем-то добрый.

Деньги у него, естественно, водились. Такие, какие не снились тому же Виталию. Просто Джаспер не считал отсутствие денег у сокурсника чем-то достойным презрения. Ну не повезло родиться в богатой семье, что тут поделаешь? В людях Джаспер ценил не это. Однако и матерью Терезой он служить менее состоятельным кадетам не собирался, привечал только тех, кому симпатизировал, а симпатизировал он, прямо скажем, мало кому.

Лифт вознесся в башню и тренькнул, останавливаясь. Двери открылись, и Виталия опять же за рукав вынули из кабинки и провели до ближайшего столика.

— Вы сидите, — скороговоркой выпалил Джаспер. — Будущему президенту с подносами ходить не положено...

«Будущему президенту — оно понятно, — мрачно подумал Виталий. — А бывшему жвачному? Обитателю стада?»

Однако происхождение Виталия опять же волновало Джаспера в очень малой степени. И в этом тоже был он весь: мог отказать в пустяшной просьбе другому мажору и отослать его в любом из известных направлений, а какому-нибудь безродному Виталию не гнушался иной раз по-дружески помочь.

Буфет занимал весь этаж и в данный момент был почти пуст.

Рихард облюбовал самое удобное место: в дальнем торце стола, лицом к лифтам, спиной к ширмочке. Будущий президент сделал это инстинктивно, повинувшись безошибочному чутью социального лидера. Да и реакция у него была получше — пока Виталий оглядывался и решал, куда сесть, фон Платен уже действовал.

Вскоре вернулся Джаспер с подносом — официантов при буфете не состояло, только бармены, и будь курсант хоть сыном ректора, хоть сыном президента, к стойке приходилось ходить самолично. Или по очереди, если компания хорошая.

Джаспер ловко сгрузил с подноса три пластиковых кругляша с традиционными сосисками в тесте и три бутылки слабогазированного напитка, который курсанты между собой именовали «ситро». Пили ситро обычно прямо из бутылки, но сейчас на каждую зачем-то был надет картонный стаканчик.

Отпихнув поднос на дальний край стола, Джаспер уселся на диванчик напротив Виталия.

Диванчик — и это знали все курсанты, от мальков до выпускного курса, — был жестковатый.

— Ну чего, давай, — тихо сказал Джаспер Рихарду, и тот немедленно полез во внутренний карман учебной куртки. К величайшему изумлению Виталия, Рихард извлек оттуда небольшую фляжечку.

Видя, как вытянулось лицо Виталия, Рихард насмешливо (они с Джаспером почти всегда обращались к окружающим насмешливо, испытывали, что ли?) спросил:

— Будешь?

— А что это? — приглушив голос, уточнил Виталий.

— Компот! — прошептал Джаспер и так же тихо заржал. Тихо и удивительно беззаботно.

Фон Платен свинтил пробку и выжидательно застыл. Джаспер тотчас сдернул с бутылок стаканчики (два) и поставил перед приятелем.

Третий остался на бутылке, которая стояла ближе всех к Виталию. И это тоже было отчасти испытанием, отчасти демонстрацией, непонятно только — демонстрацией чего.

Плеснув себе и Джасперу, Рихард вновь поднял взгляд на Виталия:

— Так будешь или нет?

— Меня могут и отчислить, — угрюмо сказал Виталий.

— Если наступишь на нас — не отчислят, — ровно произнес Рихард, по-прежнему глядя Виталию прямо в глаза. — Даже поощрят, наверное.

— Ну вы уж совсем за козла меня не держите, — окрысился Виталий.

Тут вмешался Джаспер, явно пребывающий в благодушном настроении:

— Да брось ты, Щелбан, все уже, учеба ля финита. Экзамены сданы. Ты, считай, готовый летчик. Земля в тебя кучу денег вбухала, кому оно надо — тебя отчислять за банальную пьянку?

Виталий не удержался и взглянул в сторону лифтов — всем было известно, что у входа в бар стоят видеорегистраторы.

— Они сегодня отключены, — перехватив его взгляд, сообщил Джаспер и довольно хихикнул. — Куда, по-твоему, господам экзаменаторам бегать в перерывах за дежурной чаркой?

«Что я, дурень, делаю?» — с отчаянием подумал Виталий, но рука его уже сняла стакан с горлышка бутылки и пододвинула к Рихарду.

— Вот и молодец, — невозмутимо сказал тот и налил.

— Ну, — вздохнул Джаспер, мягким, почти кошачьим движением сцапав свой стаканчик, — за первый дембель...

Виталий беззвучно (картон не звенит) чокнулся с сокурсниками-мажорами и слотнул. Горло обожгло и осушило. Судорожно вцепившись в бутылку с сидро, Виталий свернул ей пробку и жадно припал к горлышку.

— ...вашу ж мать! — просипел он секунд через десять, когда сидро осталось в лучшем случае треть. — Предупреждать же ж надо!

Рихард с деланным осуждением поглядел на него и обратился к Джасперу:

— И кого ты тут назвал готовым летчиком?

Но тот был занят: готовился вгрызться в сосиску.

«Кстати, закусить-таки надо...» — подумал Виталий, стремительно теплея.

Потепление его было вполне закономерным: попробуйте запить спирт газировкой, сами поймете.

Через пару минут, уполовинив сосиску и то, что в Академии называли тестом, Джаспер хмыкнул и вопросительно уставился на фон Платена:

— Ну что, по второй?

Рихард и не подумал возразить, разлил по второй, и на этом его фляжечка, к счастью, опустела.

Теперь, когда Виталий знал, что пьет спирт, все прошло удачнее. Все-таки настрой — великая вещь! А сюрпризы — для авантюристов. Солидный и основательный человек всегда должен знать, что его ждет.

Виталий Шебалдин намеревался стать солидным и основательным человеком. И во флоте, и вообще. И верил в это глубоко, свято и истово.

— Так чего, Щелбан, — заговорил Джаспер с набитым ртом. — Говоришь, успешно сдал?

Виталий пожал плечами:

— Вроде без косяков. И на допвопросы ответил, даже на дурацкие.

— Дурацкие? — внезапно заинтересовался Рихард. — Шуруп, небось, задавал?

— Нет, начкурса... А откуда вы знаете про шурупа?

— Откуда, откуда... От Махмуда, — буркнул Рихард, внезапно мрачней. — А этот шуруп вообще какие-нибудь вопросы задавал? Или сидел молча?

— Молчал, как рыба в пирожке! — с чувством сообщил Виталий. — Даже с соседями не шептался. А почему он тебя так интересуется?

Рихард неопределенно повел плечами:

— Зачем-то же его привлекли в экзаменационную комиссию...

— Может, он спец? — предположил Джаспер.

— Среди преподав достаточно спецов по всем курсовым предметам, — задумчиво произнес Рихард. — Даже с избытком. И потом, в прошлом году никаких шурупов на экзаменах не было, а с тех пор из преподав только Дундук на пенсию вышел, и вместо него прислали майора Нийштрезе.

— Я вообще впервые шурупа в стенах училища вижу, — вздохнул Джаспер. — Не считая распределений, понятное дело.

— Почему же? — возразил Виталий. — На день флота целый шурупский оркестр в актовом зале наяривал...

— Я тогда в карцере сидел, — Джаспер ухмыльнулся. — Не помнишь, что ли?

— А, точно, — кивнул Виталий. — Херово играли, кстати, кто-то из духоперов все время из тональности вылетал. Тромбонист, по-моему. Да и вообще тогда весь концерт был так себе...

— Ты шеврон его видел? — внезапно спросил Рихард Виталия.

— Чей?

— Шурупа-экзаменатора.

— Нет... А что?

— Да так... — протянул Рихард, хмурясь. — Форма у него ношенная, погоны и петлицы не новые, а шеврон будто вчера приклеили, аж сияет.

— Ну и что?

— Странно, вот что.

— Мало ли, может, испачкал... Или оторвал.

Рихард поглядел на него с иронией:

— Ты когда-нибудь пробовал оторвать приклеенный шеврон? Ну или погон там, неважно?

— Нет, — замотал головой Виталий. — А что, крепко клеится?

— Да ты скорее ткань порвешь. Хотя тоже вряд ли. Ладно, хрен с ним, с шурупом и шевроном его. Ты лучше скажи, Щелбан, ты ведь в Измайловском стажировался?

— Да. Правда, не в разведке, а в регуляре.

— А полетать дали?

— Трижды! Два учебных и один транспортный.

— Ну и как, понравилось?

— В учебных понравилось, а в транспортном — скучища, взлет на автопилоте, трасса на автопилоте, швартовка тоже на автопилоте...

— Да я не о том, — поморщился Рихард. — В полку понравилось?

— Очень! — признался Виталий. — С удовольствием туда пойду, если распределят.

— А может, с нами, в Семеновский? — спросил Рихард, пристально глядя Виталию в глаза, как недавно смотрел экзаменатор.

Виталий непроизвольно напрягся. Что-то за этим вопросом определенно стояло. Не станут же лучшие асы курса просто так, от скуки или озорства, вербовать сокурсника в сослуживцы, причем даже до распределения и назначения по полкам?

— А... зачем? — озадаченно пробормотал Виталий. — Я в Измайловском уже более-менее осмотрелся, офицеров узнал, инженеров... Какой смысл снова шагать в полную неизвестность?

Рихард с Джаспером многозначительно переглянулись.

— Да скажи, скажи, — вяло махнул ладонью Джаспер. — Тоже мне тайна.

Вздохнув, Рихард опять повернул голову к Виталию и заговорил, спокойно и ровно, словно отвечал на экзамене:

— Через месяц во флот поступают первые «Гиацинты». Шесть штук. Все — в Семеновский, и достоверно известно, что один отдают под молодежный экипаж. Короче: нам с Джаспером нужен толковый бортинженер, который и летать худо-бедно умеет. Ты подходишь.

— Ух ты... — вырвалось у Виталия.

Он действительно был впечатлен. Интересоваться, откуда Рихард знает о «Гиацинтах», смешно: сын президента вполне может владеть информацией такого уровня.

— Я бы, конечно, с радостью... — нерешительно заговорил Виталий. — Но я, честно говоря, не уверен, что отберусь в гвардейцы.

— Ты же сказал, что хорошо сдал, — сварливо заметил Рихард.

— Сдал-то я хорошо. Вернее, это я думаю, что хорошо. А вот что подумают господа офицеры, включая шурупа... Откуда мне знать?

— Короче, — перебил его Рихард. — Ты согласен или ты не согласен?

Виталий прикрыл глаза, секунду подумал, а потом решительно выдохнул:

— Согласен.

— Пиши! — велел Рихард.

— Что писать?

— Рапорт! На имя ректора Академии.

Виталий покорно вынул и оживил планшет-персоналку — верный и неразлучный спутник каждого курсанта.

«Начальнику высшей ордена Рубиновой Звезды Академии Космофлота адмиралу Айзеку Тревису, — проелозил пальцем по экрану Виталий. — От курсанта...»

— От лейтенанта, — немедленно поправил его Рихард. — Рапорт я под-суну уже после присяги.

Виталий замялся:

— Как-то это...

— Да не ссы ты! — тихо рявкнул на него Рихард. — Ломаешься, будто гимназистка!

Фон Платен умел это — тихо рявкнуть. Завидное вообще умение.

«... от лейтенанта Шебалдина», — послушно вывел Виталий на экране планшета.

И с новой строки увеличенным шрифтом:

РАПОРТ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Никаких послаблений ввиду экзаменов и близкого выпуска будущим лейтенантам не полагалось — как обычно, подъем в семь, построение, физчас (который на первом курсе казался адом, на втором — просто изнурительным, а теперь воспринимался как нечто само собой разумеющееся, хотя и слегка утомительное), полчаса на заправку коек и туалет, сразу вслед за тем построение на утренний осмотр и завтрак. Зато после завтрака даже построения не назначили, не говоря уже об обычном разводе на занятия или хозработы.

Сегодня с девяти утра на всех табло в холле главздания публиковали результаты последнего экзамена и годовые финальные суммы каждого курсанта. На личные планшеты эта информация по традиции передавалась часом позже — говорят, в старые времена, когда личных планшетов еще не существовало, результаты распечатывали на бумаге и вывешивали на стендах в старом здании училища, которое тогда именовалось летным. Почему-то дух и в известной мере букву этого мероприятия решено было сохранить, хотя Виталий и сомневался, что толчея в холле и вытягивание шей перед экранами, а особенно — изнурительное ожидание девяти часов, хоть сколько-нибудь способствуют спокойствию и душевному равновесию курсантов-дембелей.

Разумеется, завтрак у выпускного курса сегодня вышел рекордно коротким — со столов все смели и сжевали чуть ли не втрое быстрее обычного, а после не потянулись с ленцой в курилку, а помчались бегом в главздание, даже не построившись. Дежурный по Академии, видя это безобразие, почему-то и не подумал его пресечь. То ли вид трусящих старшекурсников его позабавил, то ли ностальгия одолела. Во всяком случае, он всего лишь пробурчал себе под нос: «Спасибо, что не через плац...» — и вошел в столовую. Перед ним предупредительно расступались.

Виталий не поддался общему порыву и до главздания дошел шагом, хотя и достаточно быстрым. В холл он протиснулся в восемь пятьдесят шесть, за

четыре минуты до включения табло. Народу набилось под завязку — практически весь курс. Под две тысячи молодых крепких пацанов, которым не сиделось в стаде, которых позвали звезды и которые оказались достаточно решительными, чтобы ответить на этот зов. Собственно, от того, что в ближайшие минуты появится на табло, зависела личная траектория каждого на пути к звездам. Виталий внезапно осознал это очень остро, сердцем и душой, и подумал, что правы, пожалуй, были руководители и старого училища, и нынешней Академии. Возможно, именно в этом и кроется смысл сегодняшней толчеи в холле главздания — осознать, что всерьез ступаешь на жизненный путь офицера и что отныне все зависит исключительно от тебя самого: от того, насколько окажешься смелым и сильным; от того, что сподобился усвоить из вдальблываемой во время учебы науки и насколько успешно сумеешь это применить на практике.

И еще он осознал, что учебе, собственно говоря, конец. Результаты, распределение — и фьюить к новому месту службы. По большому счету, это вот здание, именуемое главным, Виталию больше не принадлежит. Вон тому лопухому второкурснику с повязкой дневального, прижатому к стене выпускниками, — принадлежит. И будет принадлежать еще четыре года — если, конечно, лопухий раньше не вылетит. А Виталию — уже нет. Все, отучился, осталось только узнать результат, повлиять на который невозможно.

Часы в башне главздания гулко отбили девять. Их удары ощущались всем телом — звук в холл доносился еле-еле, его с улицы хорошо слушать. А в здании звукоизоляция была на уровне.

Табло в холле ожили — все двадцать одновременно. Толпились большей частью перед теми, что транслировали результаты первой тысячи, и только потом неохотно оттекали к аутсайдерским. Людям свойственно переоценивать собственные способности, да и иррациональную надежду на лучшее убить в себе не так-то просто, особенно если ты молод и полон сил.

Кроме того, первая сотня результатов интересовала почти всех, даже тех, кто твердо знал, что не попадет в нее ни при каких обстоятельствах. Виталий краем уха слышал, что на финальные результаты даже тотализатор существует. Правда, без ставок — тут все-таки не стадо, тут без пяти минут граждане. Во всяком случае, офицеры на подобные забавы курсантов глядели сквозь пальцы.

Виталий все, что было связано с предсказаниями, глубоко презирал, считая, что неалгоритмизируемые вещи непредсказуемы в принципе, поэтому тотализатором не особо интересовался.

Пару минут потоптавшись на месте и сообразив, что перед первым экраном толпа еще не скоро поредеет, Виталий решительно выдохнул, выставил

плечо вперед и принялся энергично ввинчиваться в плотный строй сокурсников.

На него шикали и оборачивались, но увидев, кто проталкивается, чаще всего пропускали. Так мало-помалу Виталий дотолкался до места, откуда можно было без труда разобрать буквы и цифры на табло.

Страница как раз обновилась, и табло высветило результаты с шестьдесят первого по восьмидесятый. Шестьдесят седьмым значился Мишка Романов, которого пытались поздравительно хлопать по плечам, что в тесноте проделать было не так-то просто, — Мишка все шесть лет болтался на границе первой сотни, то вклиниваясь в нее, то вылетая. Итоговое шестьдесят седьмое место для него было прекрасным результатом.

Страница снова сменилась, и Виталий с некоторым удивлением обнаружил в пятом десятке Филиппа Жаирзиньо — обычно тот входил в первую двадцатку. Не у всех праздник, есть и плохо сдавшие...

До следующего обновления Виталий еле дотерпел, а когда выпал список курсантов с результатами от двадцать первого до сорокового, даже зажмурился на несколько секунд, вдохнул, слотнул и только потом принялся просматривать список снизу вверх.

Не обнаружив себя ниже тридцатого места, Виталий чуть успокоился и строки выше него просматривал нарочито медленно.

Бакаев. Фредриксен. Чикиги. Тларош. Коваленко. Шеридан. Майерс. Генест. Юрьев. Касагава.

Чувствуя, что его прошиб пот, Виталий еще раз слотнул. Все-таки вошел? В двадцатку? Вот это да!!!

Он прочел верх списка еще раз, теперь сверху вниз, как положено — Касагава, Юрьев, Людовик Генест (был еще Жан-Луи, где-то в восьмой сотне), Майерс, Шеридан.

Ф-фух.

Давно просмотренная страница висела томительно долго, словно испытывала терпение собравшихся курсантов. Чуть впереди виднелась коротко стриженная голова долговязого Толика Коваленко. Толик был потный и счастливый, улыбка до ушей. Рядом с ним сдержанно улыбался Касагава — Виталий видел только его макушку, но не сомневался в этом. Он всегда улыбался. И всегда сдержанно.

Через маленькую вечность страница наконец-то соизволила измениться; шрифт укрупнился вдвое, поэтому на табло поместилось только десять строк, — тех, кто показал итоговую сумму с одиннадцатой по двадцатую. Фактически пробил звездный час Виталия Шебалдина — через несколько секунд он узнает себе истинную цену, свое настоящее место в толпе сокурсников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. КУРСАНТ-СТАЖЕР

Глава первая.....	4
Глава вторая.....	15
Глава третья.....	21
Глава четвертая.....	39

Часть II. СТАЖЕР

Глава пятая.....	52
Глава шестая.....	60
Глава седьмая.....	69
Глава восьмая.....	82
Глава девятая.....	90

Часть III. СТАЖЕР

Глава десятая.....	98
Глава одиннадцатая.....	113
Глава двенадцатая.....	129
Глава тринадцатая.....	140

Часть IV. СТАЖЕР

Глава четырнадцатая.....	152
Глава пятнадцатая.....	171
Глава шестнадцатая.....	185

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Шуруп

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.